

## Т о в а р и щ и!

Несколько дней тому назад в Москве появилась новая книга Троцкого: „1917“, с предисловием к этой книге под названием „Уроки Октября“.

Предисловие книги, как впрочем и вся книга, которая составляет III том (I ч.) собрания сочинений т. Троцкого—посвящены анализу событий, связанных с Октябрьским переворотом.

Если-бы, товарищи, эта книга объективно, правдиво и „без особого умысла“—излагала пред—и Октябрьские события и дала бы правильный марксистский анализ этих событий, то она явилась бы ценным вкладом в имеющуюся уже литературу по этому вопросу—была бы принята, как необходимый источник в „литературе Октября“ и могла бы помочь новому поколению рабочих и партийцев (не говоря о международных пролетарских и коммунистических кадрах)—ближе ознакомиться с Октябрем и осмыслить пройденный этап борьбы.

Но книга эта, особенно ее предисловие, немедленно по появлении из-под станка вызвала очень горячую полемику; и эта полемика отнюдь не ограничивалась рамками „литературной“ дискуссии. Тов. Троцкий в „Уроках Октября“ поставил ряд очень острых вопросов и дал свой ответ на них.

Из этих ответов стало ясно, что у т. Троцкого „был умысел другой“—„умысел“, не имеющий ничего общего с исторически-объективным анализом и освещением событий и борьбы, имевших место в 1917 г.

Под флагом необходимости освещения и изучения „уроков Октября“ т. Троцкий попытался произвести полную ревизию основ учения В. И. Ленина, полный пересмотр устоев, на которых зиждется все здание ленинизма.

Оставаясь формально под флагом ленинизма, объявляя себя ленинистом, т. Троцкий дал свое собственное, троцкистское, толкование ленинскому учению.

Когда партия и ее руководящие кадры—ближе присмотрелись к этим толкованиям и разъяснениям основ ленинизма, данным т. Троц-

ким,—то стало ясно, что т. Троцкий ничего не забыл из арсенала своих прошлых ошибок, (конечно, в основном), против которых боролся Ленин и в борьбе с которым отчасти и вырос ленинизм.

Повторение этих старых ошибок, увеличенные и «уплотненные» рядом *новых* коренных ошибок со стороны т. Троцкого и все это под флагом ленинизма—грозило, таким образом, подменить ленинизм троцкизмом или, по крайней мере, пропитать ленинизм такой „приправой“, такими элементами троцкизма, что от самого учения Ленина—пожалуй, ничего и не осталось бы.

Вопросы все были поставлены теоретические, программно-политические и в наиболее острой форме.

Совершенно естественно, товарищи, что партия не могла равнодушно пройти мимо этих попыток подменить ленинизм троцкизмом и откликнулась очень горячо и начала давать соответствующий отпор этим поползновениям.

Основной вопрос, который теперь стоит перед нами, и который служит темой и моего доклада Вам—это ленинизм и троцкизм.

Мы должны поставить и дать ответы на следующие вопросы: в чем сущность так назыв. „троцкизма“, почему боролся Ленин против него и нуждается ли ленинизм в каких-либо „поправках“ и „дополнениях“, не говоря об изменении самих основ учения—или партия была ленинской, осталась ленинской и будет ленинской,—т. е. она не нуждается ни в пересмотре, ни в „поправках“ и „дополнениях“ ленинизма со стороны Троцкого.

В своей брошюре „Новый Курс“ т. Троцкий заявляет о том, что он шел к Ленину, хотя и с „боями“, но пришел к нему полностью и целиком (стр. 48), но там же—двумя строками выше, он пишет, что тот путь, по которому пришел к Ленину и ленинизму—он считает „не менее надежным и прочным, чем другие пути“ (там же). Товарищи—одно из двух: *или* он пришел к Ленину и пришел окончательно и Ленин боролся в течение 2 десятков лет против него справедливо, таким образом борьба Ленина против троцкизма была правильна,—тогда путь Троцкого нельзя считать надежным, т. к. путь этот неправильный, небольшевистский, а специфическ. „троцкистский“, *или* другое: если путь, который прошел Троцкий правилен, то тогда неправ Ленин, который боролся против этого правильного и „надежного“ пути Троцкого на всем протяжении истории с.-д. Короче—вопрос ставится так: или Троцкий пришел к Ленину, или Ленин пришел к Троцкому, или у нас партия Троцкого—троцкизма, или партия воинствующего большевистского ленинизма.

Этот вопрос должен быть поставлен именно так, а не иначе; и он должен быть поставлен со всей категоричностью и четкостью. Почему так остро он должен быть поставлен? Позвольте, т.т., в данном случае привести слова самого т. Троцкого: на стр. 285 (прим.) своей известной книги «1905» тов. Троцкий делает заявление, которое дает основание думать, что не Троцкий пришел к Ленину, а как будто Ленин пришел к Троцкому. Тов. Троцкий, анализируя позицию большевиков и меньшевиков в революцию 1905 г. и характер движущих сил предстоящей революции в России—говорит, что «большевики, исходя из голой абстракции: «демократическая, а не социалистическая диктатура—приходят к идее буржуазно-демократическ. самоограничения пролетариата». И далее заявляет, что «эти *антиреволюционные* черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». Почему же большевизм не проявил своих «антиреволюционных черт?»—Потому что—заявляет т. Троцкий (примечание относится к 1922 г.)—«под руководством т. Ленина большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г., т. е. до завоевания власти» (Троцкий—«1905» стр. 285).

Вскользь заметим, что читая эти заявления т. Троцкого, можно подумать, что не будь этого выдуманного Троцким «идейного перевооружения», то тов. Троцкий подумал бы: вступить ли ему тогда в ряды РКП или нет \*).

Конечно, т.т., подобное заявление есть не более, как извращение нашей парт. истории. Это извращение истории большевизма вызывается необходимостью оправдать одну из основных ошибок в теоретическом багаже т. Троцкого. Она вызвана необходимостью оправдать давно опровергнутую, как не большевистскую, т. н. теорию перманентной революции. Об этой теории и об отношении к ней т. Ленина, мы еще поговорим подробно дальше, но сейчас необходимо указать, что достаточно просмотреть статьи и тезисы, написанные т. Зиновьевым и т. Лениным в период империалистической войны 1915—16 гг. (не говоря о более ранних произведениях) и сопоставить их с апрельскими тезисами Ленина, чтобы убедиться, что никакого «перевооружения» в *основном* понимании хода и движущих сил революции не было. Это есть не более, как стремление со стороны т. Троцкого под флагом ленинизма преподнести партии давно отвергнутые теории и понимание характера революции.

---

\*) Как известно т. Троцкий вступил в РКП летом 1917 г.

Что вопрос стоит именно так, т. е., что тов. Троцкий не только не отказался от своих прошлых позиций в борьбе с Лениным и исходит из того, что в *основных* вопросах революции Ленин и большевизм «перевозвооружившись» стали на точку зрения троцкизма—видно также из письма т. Троцкого к т. М. Ольминскому в 1921 г., где т. Троцкий пишет: «Я вовсе не считаю, чтобы в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ... Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна»...

Т. о. постановка и суть вопроса о разногласиях т. Троцкого с партией ясны.

## Начало разногласий между Лениным и Троцким.

Товарищи, «разногласия», которые сейчас разделяют нашу партию и т. Троцкого ни объективно, исторически, ни тем паче субъективно, вовсе не новы и тем более случайны.

Тов. Троцкий в своем знаменитом «парламентском» выступлении перед XIII Съездом РКП пытался свести и даже *низвести* все эти разногласия с принципиального до степени частных, а, следовательно, случайных разногласий. Он уверял Съезд, что все эти разногласия чисто «эмпирического» порядка—как заявил т. Троцкий.

Это, конечно, неправильно. Разногласия партии с т. Троцким имеют свою длинную историю,—эта история столь же длинна, сколь и разногласия с меньшевиками, т. е. насчитывают более 2-х десятков лет, а потому нам необходимо проследить линию борьбы Ленина против Троцкого на всем протяжении нашей парт. истории; только ознакомившись с этой борьбой между ленинизмом и троцкизмом каждый член партии сможет *сознательно* разобраться в тех разногласиях, которые разделяют партию и Троцкого сейчас и, в частности, в связи с его последним выступлением.

А поэтому, т. т., позвольте начать с самих *истоков* этих разногласий и проследить их на каждом *узловом* пункте истории РСДРП вообще и большевистской фракции—в частности.

«Раскол 1903 г. был, так сказать, антиципацией, предвосхищением всех будущих разногласий»—говорит т. Ленин. И это глубоко верно.

Товарищи; когда в партшколах, на рабочих кружках, на массовых собраниях освещают историю нашей партии, особенно ее «поворотных», критических этапов—будь то просто агитатор, преподаватель или лектор—то всегда говорят о том, что существовало два

направления в российской социал-демократии и тут же обычно анализируется борьба между большевиками и меньшевиками. В последнее время выявляется необходимость присоединить сюда третью тенденцию, а именно—троцкизм. Но есть ли это «третья» тенденция, определенное, строго очерченное, самостоятельное русло или течение, по которому шла революционная социал-демократическая мысль?

Не рискуя впасть в крайность можно утверждать, что третьего течения, как особого, самостоятельного, с особым политическим и внутри-партийным идейным весом течения, такого, вокруг которого на каком либо историческом повороте группировались бы сколько нибудь значительные, сколько нибудь влиятельные рабоч. с.-д. группы, не говоря уж о массах—*нет и не было*. И это понятно! Если вы проследите за всем ходом истории развития взглядов и позиции т. Троцкого, то вы увидите, что наиболее характерной чертой т. Троцкого является отсутствие какой бы то ни было политической платформы. Для того, чтобы показать вам это, разрешите, т.т., начать с самого начала появления Троцкого на арене революционной борьбы с тем, чтобы проследить весь путь револ. деятельности, который прошел т. Троцкий и проиллюстрировать эту нашу мысль на каждом этапе и повороте его пути.

Тов. Троцкий, как известно, явился на арену революционной борьбы в конце 90-х годов прошлого столетия; затем в 1898 году он по делу Николаевской с. д. организации был арестован и сослан в Сибирь (Иркутскую губ.). В своей книге „О Ленине“ тов. Троцкий рассказывает, что в конце 1902 года, когда он бежал из ссылки—заграницу—он явился в Лондон „молодым провинциалом“, как он говорит, к Владимиру Ильичу. Здесь т. Троцкий был зачислен по его словам в „ученики“,—к „старикам“ „Искровцам“—к той группе революционных социал-демократов, которые стояли во главе „Искры“ и которые поставили себе задачей организацию партии. Вы знаете, товарищи, что хотя до этого и была формально основана партия, был и I-й съезд партии 1898 г., но партии фактически как известной организации профессиональных революционеров, партии, как организации, которая охватывала бы всю Россию, которая объединяла бы все группы и всех с. д. в единую организацию с единой программой, уставом, единой мыслью и волей—такой с. д. партии у нас к этому времени еще не было.

Это был период *формирования* нашей партии и период собирания сил, когда вырабатывались основные кадры профессиональных революционеров с одной стороны, а с другой—период, когда револю-

ционные с.-д. в борьбе с многочисленными врагами (народники, струвизм, экономизм и т. д.) выковывали свою революционную идеологию—идеологию революционного пролетариата. В этот чрезвычайно интересный период нашей истории явился Троцкий на сцену революционной борьбы.

Товарищи, он был очень хорошим учеником, способным учеником и первые его статьи и заметки, которые появились в „Искре“, указывают на то, что т. Троцкий был талантливым учеником и Владимир Ильич, а также и другие из редакции „Искры“ отнеслись тогда к нему очень благосклонно. Но мы видим, что это ученичество осталось только ученичеством, потому что, когда пришла уже пора выявить свою политическую физиономию, когда пришла пора уже окончательной консолидации и не только оформления, но и *выявления* того—с кем идти, какую дорогу избрать, т. Троцкий сразу отошел от т. Ленина и встал в ряды его врагов.

Вы знаете, товарищи, что на втором съезде партии были заложены в зачаточном виде все те элементы разногласия, которые потом развились в ширь и в глубь. Ленин говорит о том, что раскол в 1903 году предвосхитил все последующие разногласия, поэтому та позиция, которую занял тот или иной революционер, именно на этом съезде, чрезвычайно характерна, ибо эта позиция определила на ряд лет политическую линию этого революционера и с.-д.

Говорят, что Троцкий был уязвлен тем, что его не выбрали в Центральный Комитет, но этот момент несущественный, ибо ведь не личными моментами, в конечном итоге, определяется та или иная полит. позиция. Вы знаете, т.т., что на этом съезде всплыли принципиальные разногласия; были разногласия по национальному вопросу, по политическим вопросам и т. д., но бой разгорелся, как известно, вокруг 1 § Устава РСДРП.

Вы знаете, т.т., что Ленин предлагал членом партии считать только того, кто *лично* участвует в парторганизации, а Мартов считал членом партии всякого, кто будет работать и оказывать *содействие* „под контролем“ одной из парт. организаций. Вот это разногласие, которое выявилось на съезде и послужило поводом для выявления физиономии т. Троцкого.

Как известно, т. Троцкий не присоединился к формулировке Ильича, а поддержал в этом вопросе Мартова. Но не в этом суть только, что он поддержал, а еще важнее—*как*, какими мотивами поддерживал! Позвольте, т.т., прочитать речь т. Троцкого на 2-м съезде партии и несколько поподробнее ее разобрать.

**Троцкий.** Я был очень удивлен, когда тов. Плеханов предлагал вотировать за формулу тов. Ленина, как за верное средство против оппортунизма. Я не знал, что можно создавать *уставные заклинания против оппортунизма*. Я думаю, что оппортунизм создается более сложными причинами. Я, наконец, не знал, что оппортунисты органически неспособны к организации. Я знаю партию жоресистов — этот организованный оппортунизм. Я не забыл организаций наших экономистов. Нет, я думаю, что *спор гораздо менее принципиален*. Почему не может войти то или другое лицо в наши организации, раз оно признает нашу программу—спрашивает тов. Плеханов и отвечает: тут очевидно интеллигентский индивидуализм,—а против него надо бороться. Вот в том-то и дело, что формула Ленина, направленная против интеллигентского индивидуализма, попадает совсем в другую цель. Интеллигентской молодежи, так или иначе организованной, гораздо легче занести себя в списки партии. Гимназические союзы, организации Красного Креста и особенно студенческие землячества гораздо долговечнее всяких широких (lose) рабочих организаций. Землячества существуют в течение целого ряда лет, тогда как широкие рабочие организации разрушаются ежедневно, под влиянием стачек, кризисов, передвижения рабочих масс. Таким образом, определение тов. Ленина ставит в неравные условия интеллигенцию и рабочих. Автор этого определения утверждает, что оно даст возможность всегда знать, какие силы мы можем повести в бой, но я боюсь, что тогда тов. Ленин найдет в них студенческие землячества и барышень, очень хороших социал-демократических барышень, группирующихся в Красном Кресте... *Я отнюдь не придаю уставу мистического значения* и не думаю, что он передвинет центр тяжести нашей работы в среду студенческих землячеств и барышень Красного Креста. Нет, полем нашей работы попрежнему останется, разумеется, пролетариат. Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута. Повторяю: она попадает мимо цели. Ее автор и особенно ее защитник т. Плеханов хотят сделать ее *удавной петлей для тех политически развратных и политически развращающих субъектов „интеллигентной среды“*, которые называют себя социал-демократами, группируют молодежь и передают ее Петрам Струве. Поверьте, товарищи, что я первый ухвачусь за всякую формулу, которая будет удавной петлей для этих господ. Я первый затяну ее с энтузиазмом. Но разве эти господа не смогут войти в какую-нибудь широкую (lose) партийную организацию? Раз-

ве они не смогут сами составить ту или иную организацию? Вы говорите, ЦК ее не признает. Почему? Очевидно, не из-за характера самой организации, а из-за характера лиц, в нее входящих. Значит ЦК будет знать ММ и НН, как политические индивидуальности. Но тогда они не опасны. Тогда они будут удалены общепартийным бойкотом. *Но какой смысл, скажу я, стеснять в правах состояний тех интеллигентных одиночек*, которые стоят на почве партийной программы и в одиночку оказывают услуги партии, под руководством ее организаций. Неужели же член ЦК должен будет отвечать каждой такой социал-демократической одиночке, проживающей в г. Пензе: «Прежде чем реализовать твои минимальные права, как члена партии, тебе надлежит связать себя с такими же одиночками в Самаре и Калуге. Ибо ныне выдумана формула для удаления твоего интеллигентского индивидуализма». На эту речь т. Троцкого т. Ленин ответил следующее:

**Ленин.** Я, прежде всего, хотел бы сделать два замечания частного свойства. Во-первых, по поводу любезного (говорю это без иронии) предложения Аксельрода «сторговаться». Я охотно последовал бы этому призыву, ибо вовсе не считаю наше разногласие таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем. Но раз уже дошло дело до выбора из двух формулировок, то я никак не могу отказаться от своего твердого убеждения, что формулировка Мартова есть ухудшение первоначального проекта, ухудшение, которое может принести партии, при известных условиях, не мало вреда. Второе замечание относится к тов. Брукэру. Совершенно естественно, что желая провести повсюду выборный принцип, тов. Брукэр принял мою формулировку, которая одна только определяет сколько-нибудь точно понятие члена партии. Мне непонятно, поэтому, удовольствие тов. Мартова по поводу согласия со мной тов. Брукэра. Неужели тов. Мартов в самом деле за руководство для себя признает обратное тому, что говорит Брукэр, без разбора его мотивов и аргументов. Переходя к существу дела, я скажу, что *тов. Троцкий совершенно не понял основной мысли Плеханова* и поэтому обошел в своих рассуждениях всю суть вопроса. Он говорил об интеллигентах и рабочих, о классовой точке зрения и о массовом движении, но не заметил одного основного вопроса: суживает или расширяет моя формулировка понятие члена партии. Если бы он задал себе этот вопрос, то легко увидал бы, что *моя формулировка суживает это понятие, а мартовская расширяет*, отличаясь (по вер-

ному выражению самого Мартова) «эластичностью». И именно «эластичность» в такой период партийной жизни, как переживаемый нами, несомненно, раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. Чтобы опровергнуть этот простой и очевидный вывод, надо доказать, что таких элементов нет, а тов. Троцкий и не подумал сделать это. Да и нельзя доказать этого, ибо все знают, что таких элементов не мало, что есть они и в рабочем классе.

Охрана твердости линии и чистоты принципов партии становится именно теперь делом тем более настоятельным, что восстановленная в своем единстве партия примет в свои ряды очень много неустойчивых элементов, число которых будет расти по мере роста партии. *Тов. Троцкий очень неправильно понял основную мысль моей книги „Что делать“*, когда говорил, что партия не есть заговорщическая организация (это возражение делали мне и многие другие). Он забыл, что я предлагаю в своей книге целый ряд различных типов организаций, начиная от самых конспиративных и самых узких и кончая сравнительно широкими и «свободными» (lose). Он забыл, что партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию. Посмотрите, в самом деле, какие выводы получает тов. Троцкий в силу основной своей ошибки. Он говорил нам здесь, что если бы ряды и ряды рабочих арестовывались и все рабочие заявляли о своей непринадлежности к партии, то странной была бы наша партия. Не наоборот ли? Не странно ли рассуждение тов. Троцкого? Он считает печальным то, что всякого сколько-либо опытного революционера могло бы радовать. Если бы сотни и тысячи арестуемых за стачки и демонстрации рабочих оказывались не членами партийных организаций, это доказало бы только, что наши организации хороши, что мы выполняем свою задачу—законспирировать более или менее узкий круг руководителей и привлечь к движению возможно более широкую массу.

Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освещают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже

частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно, ограничить болтающих от работающих. И едва ли найдется другая страна, в которой бы смешение этих двух категорий было так обычно, вносило такую тьму путаницы и вреда, как в России. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса, мы страдаем от этого зла жестоко, и *формулировка эта неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии*; тов. Мартов сам должен был признать это с оговоркой—«если хотите, да», сказал он. Именно этого и не хотим мы. Именно, поэтому, мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся), чем, чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым и который заставляет меня бороться против Мартова. Мне возражали, что прав-то членам партии мы никаких не даем, и поэтому и злоупотреблений быть не может. Такое возражение несостоятельно: если у нас не указано, какие именно особые права получает член партии, то заметьте, что у нас не приведено никаких указаний об ограничении прав членов партии. Это во-первых. А во-вторых, и это главное, независимо даже от прав, нельзя забывать, что всякий член партии ответствен за партию и партия ответственна за всякого члена.

При наших-же условиях политической деятельности, при зачаточном состоянии настоящей политической организованности, было-бы прямо опасно и вредно давать не-членам организации право членства и возлагать ответственность за партию на таких людей, которые в организацию не входят (и не входят, может быть, умышленно). Тов. Мартов приходил в ужас по поводу того, что на суде не член парт. организации не в праве будет, несмотря на свою энергичную работу, назваться членом партии. Меня это [не] пугает. Серьезным вредом было-бы, наоборот, если-бы на суде заявил себя с нежелательной стороны человек, который называет себя членом партии, не принадлежа ни к одной из парт. организаций.

Никогда ЦК не в силах будет распространить настоящий контроль на всех работающих, но не входящих в организацию. Наша задача дать *фактический* контроль, контроль—в руки ЦК. Наша задача—*оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии*. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше—и поэтому, я против формулировки Мартова» («Протоколы второго съезда РСДРП», изд. «Прибой». 1924 г. Ленинград, стр. 229—232).